

На дорогах и по рекам: разбойники и память о них в Вятском крае

В. А. Коршунков

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются и определяются особенности малоизученного явления – традиционного русского разбоя, который был неотъемлемой частью повседневной жизни Вятского края, как и России в целом. В центре внимания – период XVIII в. и первой половины XIX в. Статья основана на исторических и фольклорных источниках, в том числе из Центрального государственного архива Кировской области.

Частым нападениям на прохожих и проезжих в Вятском крае способствовали протяженность путей, обилие лесов, немногочисленность городов, гарнизонов и стражи. Разбойников было особенно много на северо-западе и на юге губернии. Они действовали на больших дорогах и плавали по рекам. Через Вятский край из Сибири на родину, в европейскую часть России, возвращались беглые каторжники. Среди крестьян у разбойников имелись приспешники и укрыватели, что затрудняло борьбу с ними. Властям приходилось направлять отряды солдат для выслеживания и поимки шаек. Память о разбоях и разбойниках, о зарытыхкладах еще долго сохранялась в народе, превращаясь в фольклорные тексты, во многом сходные с сюжетами о колдунах и «нечистой силе».

Масштабы разбойничества должны учитываться при оценке состояния Российского государства и общества. Постоянные нападения затрудняли внутреннюю коммуникацию, изолировали и разобщали местные сообщества, отвлекали на противодействие им значительные материальные и людские ресурсы. Из набегов крупных разбойничьих шаек могли разрастаться так называемые народные восстания. Сохранявшееся до очень позднего времени разбойничество – это проявление архаики и варварства, которые присущи России. Разбойная традиция повлияла на становление и расцвет уже в XX в. российской уголовной субкультуры.

Ключевые слова: Вятский край, Россия, разбойники, XVIII–XIX вв., историческая память, фольклор.

В 1817 г. в с. Заозерницком Слободского уезда Вятской губернии случилась стычка священника Иоанна Соснина с пономарем из соседнего с. Покровского Максимом Кибардиным. Обращаясь с жалобой к своему начальству, пострадавший священник указывал, что пономарь схватил вилы и с криком «Я тебя заколю!» ткнул его вилами в плечо. Священник добавлял: «...Я едва-едва успел вскочить в сени и запереть за собою двери, чем и спас себя от смерти, каковым поступком я чрезмерно обижен. <...> И как я уже был резан разбойником, то страшусь, чтоб и он каковым-либо образом не умертвил» [48, ф. 237, оп. 120, д. 518, л. 2]. Само по себе сопоставление задиры-противника с разбойником – привычный риторический прием. Но едва ли мы можем сомневаться, что до стычки с пономарем священник Соснин и вправду, говоря словами Пушкина, попадал на нож настоящему злодею – разбойнику с большой дороги. В те времена такое случалось нередко.

«Знаете ли что? об разбоях можно говорить много и наши писатели обязаны говорить об этом много. Чувствую, что труд не малый; Бог весть – где разбоев не было, Бог весть сколько архивов надо перерывать для этого дела!» Такую реплику услышал литератор и этнограф С. В. Максимов (1831–1901) во время путешествия через всю Россию на Дальний Восток [25, с. 89].

Всегдашняя беда. В России XVIII–XIX вв., да и ранее, имелось немало глухих уголков и заповедных боров, где укрывались шайки разбойников. Промышлять они выходили на большую дорогу. Торговые и почтовые пути соединяли отдаленные города, пролегли через обширные леса, подводили к полуразрушенным мостам и почти терялись на открытых пространствах. При малой плотности населения и протяженности расстояний движение на путях бывало незначительным. Почтовые станции и постоялые дворы начали устраивать довольно поздно. Так что на безлюдье купец, спешивший домой с ярмарки, или же целый обоз легко становились добычей разбойников.

Разбой нередко случались и в других странах. Но на русских дорогах как-то уж слишком часто. Лишь в XIX в. эта всегдашняя русская беда мало-помалу затихла. Точнее, откровенный разбой стал сменяться кражами багажа у путников и похищением тюков из проезжавших обозов.

Показательный случай. Обвинения в «грабительстве да разбое» нередко звучали, когда нужно было опорочить богатого человека.

Собиратель вятских диалектных слов и выражений, учитель Н. М. Васнецов отметил звучавший на Вятке в конце XIX в. глагол «придорожничать», то есть, по его толкованию, во-первых, «ругаться с прохожими; быть ругательником» и, во-вторых, «грабить на дороге прохожих, проезжающих». Соответственно, было и существительное «придорожник» – «ругательник, нахал; не дающий никому проходу; всех ругающий» [6, с. 249–250; см. также: 29, с. 219]. В словаре Васнецова есть существительное «подорожник» – «ругательник; ругающийся на улице с прохожими, проезжими; нахал; никому проходу не дающий» [6, с. 221]. В Вятском крае записан глагол «подорожничать» («заниматься грабежом на дорогах, разбойничать; ругаться с прохожими») [29, с. 71]. Заметно, как из точного обозначения разбойника при дороге и его действий образуется переносный смысл, и так начинают называть забияку и задиру вообще. Иначе говоря, значение этих слов ко второй половине XIX в. изменялось и, так сказать, смягчалось: от разбойника – к наглецу.

Вятский священник М. И. Осокин, заинтересовавшись в середине XIX в. легендами и преданиями о кладах Малмыжского уезда, выяснил, что почти все клады народ считает разбойничьими, потому что, дескать, прежде в тех местах было множество шаек [30, т. 60, с. 179]. Приписываемые разбойникам «денежные поклажи» – это интересная тема, которую следовало бы рассматривать особо. Рассказы о них – разновидность фольклорной прозы, со всеми присущими ей особенностями. Отметим лишь, что в таких сюжетах разбойники уподоблялись колдунам и «нечистой силе».

Фольклористка Ю. В. Приказчикова в подготовленном ею сборнике устной исторической прозы Вятского края выделила в качестве одного из основных разделов народные рассказы о разбойниках [44, № 203–276]. Она отмечала, что уже П. Н. Луппов (1867–1949), известный историк Вятского края, указывал на обилие таких текстов на Вятке. По ее наблюдениям, народная разбойничья проза Вятского края запечатлела северную версию этого фольклорного образа («истинный разбойник»), в отличие от распространенного в Поволжье и в Средней России «благородного мстителя»: «...Вятской прозе не свойственен образ “благородного” разбойника, поскольку в крае не существовало крепостного права» [44, с. 17]. (Разумеется, объяснять развитие северного и южного вариантов фольклорного образа так вот напрямую, социологически, как это обычно делается, едва ли следует.) Значительную распространенность этих преданий Приказчикова комментировала так: «На наш взгляд, историко-этнографическую основу образа вятского разбойника можно связать с ушкуйничеством» [44, с. 18]. Но это всего лишь умозрительная догадка, которую невозможно подтвердить. В самом деле, между новгородскими ушкуйниками, которые плавали по рекам Русского Севера в XIV в., и бытовавшими в XIX–XX вв. преданиями о разбойниках разница слишком велика – и по времени, и по сути. В народных преданиях Вятского края нет каких-либо специфически «ушкуйничьих» мотивов – новгородских, связанных с грабежами «инородцев» и с добычей «мягкой рухляди». Да и то, что можно было бы назвать памятью об ушкуйниках, сохранялось, кажется, не фольклорных (то есть устных) повествованиях, а в местной книжности второй половины XVII – начала XIX в. При этом и на Вятке заметна идеализация разбойников – удалцов, «добрых молодцев», лихих людей (зачастую со сверхъестественными способностями).

Про Казанский тракт, что проходил по Сунской волости Нолинского уезда, рассказывали: вдоль него по дремучим лесам водилось много разбойников. Они нападали на бедняков, которые хаживали пешими, и на богатых, ездивших «на ямщицких тройках». А один из «колдуников», которых как-то раз гнали по тракту, заговорил, дескать, в Суне с местными и, показав на заросшую густым лесом Клековскую гору, поведал, что гора эта умела хранить разбойничьи тайны. Там, мол, его шайка и промышляла, покуда его не арестовали. Там зарыли они свои несметные богатства. В то же время и про жителей сунской д. Сарычи говорили, будто те занимались грабежами на дорогах: «Убивать никого не убивали, а просто уводили лошадей» [42, с. 14–15, 16–17].

Люди вспоминали, что грабежи, смертоубийства, нападения на подводы случались на большом тракте, соединяющем Вятку и Слободской (по нему проезжали и дальше на восток, к Уралу и Сибири), в районе речки Шкатихи. Рассказы об этих случаях, по-видимому, относятся к рубежу XIX–XX вв. Две такие истории приведены в книге краеведа С. П. Серкина [37, с. 14].

Дремучие леса в Вятском крае, как и в иных местах России, в народе нередко называли «разбойными». Они обычно располагались по берегам судоходных рек, которыми пользовались

как торговыми путями. Известна местность с названием Разбойный Бор в заречной части Котельнича, вниз по течению р. Вятки [41, с. 67]. В опубликованном в 1925 г. путеводителе А. Д. Фокина и М. М. Решетникова об этом боре сказано: «Название свое он получил от шаек разбойников, грабивших в конце XVIII в. и в начале XIX в. на торговом тракту между Кукаркой (Советском) и Котельничем и суда с товарами по р. Вятке» [46, с. 41]. Московские фольклористы в 1990-х гг. записали в нынешней заброшенной д. Разбойный Бор Оричевского района Кировской области и в ее окрестностях рассказы о разбойниках и их кладах. Кроме прочего, о том, как атаман хотел попробовать на вкус человеческое мясо [8, № 49, 51, 52, 58, 59]. Краеведы к фольклорной памяти относятся с полным доверием. Например, журналист, знаток Котельнича и его окрестностей О. А. Зайцев склонен им верить: там и вправду могли орудовать шайки. По его словам, в 1970-х гг. жители д. Чикиши, расположенной в той самой местности, рассказывали, что некогда мужики соседних волостей решили прогнать оттуда разбойников. И те, убегая, свои драгоценности спрятали в болоте [14, с. 149–150]. Между тем, мотив утопления в озере или болоте разбойничьих кладов типичен для таких фольклорных повествований, он встречается повсеместно.

В том же Оричевском районе (прежде – в Орловском уезде Вятской губернии), в 27 верстах к югу от г. Орлова, находится старинное с. Шалегово [50, с. 354–355]. В составленной местным священником в XVIII в. «летописи» утверждалось, будто основателями села были разбойники. Само название «Шалегово», дескать, происходило от слова «шалга», которое обозначало разбойника. В окрестностях тоже обитали разбойники, особенно в д. Клопихе: «Бе же окрест болотома ключ Клопих. Идеже имея жительства друзии из Нова-города ушкуйцы, нрава вельми злаго и хищнаго, нерадеша Божию храму, не работа землю и твориша разбои имже искаша себе питание». В описании этих мест, сделанном в конце XIX в., приводились довольно наивные доказательства истинности «летописного» мнения: «В списке (“летописи”. – В. К.) упоминается, что около села был ключ (речка) Клопиха, который в настоящее время зовется Клопишинский Лог, тут же и дер. Клопиха, и что поселение около ключа служило притоном хищных ушкуйников и беглецов. Это вполне правдоподобно, так как в начале даже нынешнего столетия дер. Клопиха славилась ворами и некоторые из них были сосланы в Сибирь на поселение» [9, с. 114–116]. Что общего между ушкуйниками XIV в. и непутевыми мужиками XIX в.?

На самом деле вятское диалектное «шалег» означает «сенокосное место с кочками и неровностями» [38, с. 373] – слово, возможно, родственное отмеченному у В. И. Даля архангельскому и сибирскому «шалга» («большой, вхожий лес; дровосека»), которое, как считается, карельского происхождения [12, с. 398]. Между тем, краеведы прошлых времен, очевидно, по созвучию сравнивали вятский топоним «Шалегово» и существительное «шалга» со словами «шалый», «шалить». А кто же «шалит» по дорогам и в лесу скрывается?.. Разбойники! Характерно, что «шалые» людишки в рукописи XVIII в. возводились к новгородским ушкуйникам. Во многих местах Русского Севера, да и Вятского края, считали, будто русскими первопоселенцами были выходцы из Новгорода Великого, особенно плававшие по рекам в лодках-ушкуях воины и грабители – ушкуйники. Достоверность таких местных преданий, как сейчас понятно, невелика.

Каргопольский краевед И. И. Рудометов, записывая предания о разбойниках, обращал внимание, что и в Вытегорском уезде Олонецкой губернии имеется «целый приход» Лихая Шалага, «находящийся на островах среди порою прямо непроходимых болот», население которого считало своими предками «шайку бежавших со службы солдат» [35, с. 48]. Видимо, «лихая шалага» – это было прозвище тамошних жителей. Кажется, Рудометов не сомневался в историчности преданий о разбойниках и беглых солдатах, которые будто бы становились основателями «разбойничьих» поселений.

Такого рода предания о «разбойных» деревнях обычно формируются под впечатлением от вороватого или задиристого поведения их жителей в сравнительно поздние времена.

Главным образом, на предания и легенды опирался В. Ф. Кудрявцев, автор созданных в конце XIX в. очерков о Вятско-Камском крае. Он писал: «...Прикамский край долгое время служил ареною бунтующих инородцев и разбойников. Почти каждое старинное русское селение хранит предание о неистовствах разного рода грабителей» [21, с. 164]. Учитель и краевед, а впоследствии – знаменитый археолог А. А. Спицын в 1890 г. в газете «Вятские губернские ведомости» отмечал, что, кроме берегов Камы, в Вятской губернии нигде не сохранилось столько рассказов о разбойниках и оставленных ими кладах, как в Зюздинском и Кайском краях. То есть Спицын указывал местности на *северо-востоке* Вятской губернии, прилегающие

к Прикамью. По его мнению, это объяснялось тем, что там в XVII в. проходили три большие дороги, а еще из-за значительного отдаления от крупных городов – Перми и Хлынова [1, с. 4]. О разбойниках того же Кайского края несколько прежде Спицына упоминал вятский статистик П. М. Сорокин, отметивший, что «предания о них многочисленны и очень живы» [39, с. 46].

Много свидетельств – исторических и легендарных – о разбойниках южных местностей Вятского края в предреволюционные годы собрал молодой историк и археолог М. Г. Худяков (1894–1936). Его статья начиналась так: «В прежнее время различались разбойники лесные, грабившие проезжавших по Сибирскому тракту, и разбойники луговые, нападавшие на суда, плывшие по реке Вятке». Характерно уточнение Худякова, что по дорогам разбойничали «еще на нашей памяти». Некогда грабили купцов, а позже стали нападать на почту. «Самыми удобными местами для нападений служили мосты через овраги, где свернуть с пути было некуда, и поэтому все воспоминания о лесных разбойниках приурочены к мостикам и логам, где разбойники и скрывались». Впрочем, у Худякова преобладают малодостоверные, полуфольклорные сведения – о разбойничьих стоянках и складах, о деревнях, промышлявших разбоем, о таинственных могилах и крестах [47].

Д. К. Зеленин в созданном в начале XX в. путеводителе по Вятско-Камскому краю упоминал пристань Соколки или Сокольи Горы – на р. Каме, неподалеку от впадения в нее р. Вятки. (Там действительно высокий берег, а крутые речные берега на Руси называли «горами».) Зеленин писал: «В старину на этих горах жили соколы, как в собственном, так и в переносном смысле этого слова (разбойники); от них, будто бы, село и получило свое название» [15, с. 18]. Что «соколами» называли разбойников и от них пошел этот топоним, – это типичное народно-этимологическое предание (с научной точки зрения, недостоверное). Но показательное, что народ и самое обычное географическое название пытался связать с вездесущими разбойниками. Как можно заметить, отклонения в образе жизни и поведении (реальные либо мнимые) у обитателей той или иной местности привычно объяснялись тем, что их предки были разбойниками-душегубами.

Профессор Казанской духовной академии И. Я. Порфирьев (1823–1890), родившийся в с. Атары Уржумского уезда, в написанных под конец жизни воспоминаниях приводил семейное предание о своем деде Максиме – сельском священнике, служившем в Атарах: «О[тец] Максим считался богатым человеком. Говорят, разбойники несколько раз собирались ограбить и даже убить его. Однажды в глухую осеннюю ночь они забрались к нему в дом и начали спрашивать, где у него деньги. А так как он не сказывал, то пытали его на огне; но бабушка, спавшая где-то в чулане, услышала шум и крики дедушки, успела выбежать на улицу и, взбежав на колокольню, начала бить в набат. Это было еще время, когда село находилось на самом берегу р. Вятки. По берегам Вятки тогда был лес и страшная глушь; воровство и разбой в этих местах были делом до того обыкновенным, что им занимались целые деревни, как каким-нибудь ремеслом. Мирным жителям жить было страшно. Мне рассказывали, что, собираясь ехать куда-нибудь в дорогу за 50 или за 100 верст, путешественники не только служили молебны, но исповедовались и приобщались, боясь быть убитыми на дороге. Такие опасности существовали очень долго» [33, с. 151].

Стоявшее «на самом берегу» село позже было перенесено от берега реки наверх, более чем за полверсты [33, с. 150]. Этот случай, памятный семейству, следует отнести к последней четверти XVIII в. В нем запечатлены типичные признаки тогдашнего разбоя по рекам Каме и Вятке: приход шайки в заранее намеченный дом, пытка огнем с требованием выдать припрятанное, разбойный промысел как привычное занятие некоторых селений.

В воспоминаниях Порфирьева вслед за тем рассказывался случай, произошедший с его отцом – священником Яковом Максимовичем: «Батюшка рассказывал, что даже в то время, когда он был священником, примерно в 20-х годах (XIX в. – В. К.), в один вечер вдруг к нему в дом является один мужик из разбойничьей деревни, заведомо считавшийся разбойником. Севши за стол, он вынимает из-за пазухи пистолет и, положив его на стол пред собою, начинает просить у батюшки денег взаймы 100 рублей, обещаясь возвратить их в срок. При такой обстановке отказать, конечно, было нельзя. Батюшка не только дал разбойнику денег, но и напоил его водкой. “Ну, о[тец] Яков, – сказал угостившийся разбойник, – за твое одолжение и угощение я расплачусь с тобой беспременно. Приходи ко мне за деньгами в такой-то день”. Когда настал этот назначенный день, батюшка долго в сильном страхе колебался, идти или нет. Но 100 рублей, хотя бы и ассигнациями, в то время для сельского священника были большая сумма, и он решился идти. Разбойничья деревня была недалеко от села, только

переехать на другой берег Вятки. Разбойник оказался дома налицо. Завидев батюшку, он встретил его и привел в избу. Посадив за стол на лавку, он спросил его: “Что, батюшка, за деньгами пришел?” А сам, взявши нож, начал точить его, в то время продолжал разговаривать. Батюшка ни жив ни мертв, как говорится, сказал, что, действительно, за деньгами, если милость будет, а то он может еще обождать. “Ну, хорошо, хорошо, сейчас заплачу”. И, действительно, вынес ему 100 рублей. “Спасибо, – сказал он, – что тогда из беды выручил» [33, с. 151].

Семейные воспоминания, примером которых являются рассказы, записанные Порфирьевым, смыкаются с памятью коллективной, которая переходила в память фольклорную.

«Бывают и смертные убийства тем едущим людям...» Как известно, фольклорные тексты (в том числе и предания о разбойниках), существуют и изменяются в соответствии со своими внутренними закономерностями. Так что не следует напрямую возводить их к определенным историческим личностям и событиям. Однако нет сомнения, что исторические реалии так или иначе на предания и легенды влияют. Пусть фольклорное зеркало сильно искажает, но все же в нем проглядывает кое-что реальное. Укорененные в фольклорной и семейной памяти лихие разбойные нападения и колоритные образы атаманов-колдунов – такое объяснимо, в частности, распространенностью разбоев в повседневной жизни народа. Издавна и вплоть до XIX в.

Примером того, как фольклоризировалась память о конкретном ярком событии, является такая история. Расположенное на берегу Камы с. Колесниково Каракулинской волости Сарапульской округи (уезда) во второй половине XVIII в. было, можно сказать, столицей вятско-камских разбойников. Они постоянно туда захаживали, там жили их сообщники и укрыватели. В мае 1789 г. в село нагрянули солдаты, и случилось сражение с какой-то очередной шайкой. Злодеи засели в избе и отстреливались. Целые сутки посреди села грохотала пальба, было ранено двое солдат и девять крестьян. За этим последовала ужасная гибель разбойников в подожженной кем-то избе. Все это стало известно из выявленных архивных документов. А в XIX и начале XX в. было записано несколько вариантов красочного предания об огненной гибели атамана по имени Гурька вместе с его людьми. Так фольклоризировалась народная память об историческом событии. Те места и вправду кишели разбойниками, четверо из которых в 1789 г. погибли при пожаре. Неподалеку находились пещеры, где прежде добывалась медная руда, а местные жители стали рассказывать, будто там укрывались речные разбойники во главе с атаманом по имени Гурька, которые с приречных высот высматривали добычу. В памяти народа все соединилось. Этот сюжет, ставший фольклорным, отразился также в писаниях краеведов и беллетристов, где злодеи-душегубы могли обретать черты народных героев. И при каждом следующем пересказе, при очередной переработке красочная история дополнялась все новыми, дополнительными подробностями [18].

Да, согласно достоверным историческим источникам, в старину на дорогах и по рекам Вятской земли имелось немало разбойников. Эти места некогда были лесной глухоманью, через которую пролегали пути на восток. А где большие дороги и на обширных пространствах недостает солдат и чиновников, там и шайки.

Великий князь Иван Васильевич в грамоте от 2 марта 1542 г. предоставил вятчанам «губное право», то есть право суда и расправы над пойманными разбойниками¹. В XVII в. писцовыми книгами отмечались такие причины «запустения тягла»: «стал безвестно», «умер», «взят в солдаты», «ходит по миру Христовым именем», а наряду с этим – «убит разбойниками» [40, с. 159]. Например, в дозорной книге Ф. А. Звенигородского, В. Т. Жемчужникова и М. Ординцева отмечено большое количество опустевших дворов в Котельниче. Есть и запись: «Двор пуст Худячка Елпашева. Худячка убили разбойники на Казанской дороге во РФИ-м [1611-м] году» [2, с. 73].

Согласно ландратской переписи 1716–1717 гг. (это была подворная перепись с фискальными целями), в структуре смертности удмуртского населения Вятского края преобладала смертность от болезней. Но притом велика была доля насильственных смертей. Само по себе это для того времени неудивительно. За пять лет среди удмуртов умерло 1256 человек (781 мужчина и 475 женщин). Из них разбойниками убито 15 человек, «башкирцами» – один

¹ См.: «Грамота великого князя Ивана Васильевича на Вятку о расправе с разбойниками 1542 г. марта 2» [43, с. 82–84]. Этот указ, вместе с предыдущим великокняжеским указом от 8 февраля 1540 г., опубликован также в кн.: [13, № 1, 2].

человек, убит в лесу – один человек (к примеру, утонул тоже только один) [см.: 11, с. 74–75]. Так что весьма значителен был процент погибших от рук разбойников (к числу таких жертв, очевидно, можно причислить и погубленного башкирцами, и убитого в лесу).

В 1790 г. по Вятско-Камскому краю проезжал в сибирскую ссылку А. Н. Радищев. А в 1797 г. он оттуда возвращался. Сохранились его «Записки путешествия в Сибирь» и «Дневник путешествия из Сибири». Судя по этим записям, тогда на Каме имелось немало разбойников, которые не особо и таились. Как писал изучивший записки Радищева историк П. Н. Луппов, разбой там был бытовым явлением. Преступники жили достаточно открыто, многие знали их, они поддерживали отношения с местными властями. Об их делах ходило много историй (разумеется, и легендарных тоже). Например, рассказывали про некоего Ивана Фадеева, который грабил, дескать, дурных помещиков – тех, что плохо относились к своим крепостным. А помещиков хороших он не трогал. В «Дневнике» Радищева за 19 мая 1797 г. есть запись, показывающая, что разбой в это время года, при весеннем разливе, бывал именно на реке: «Возставший ветер понудил ночевать близ села; ибо боялись проплыть устье реки Белой, в 4-х верстах от сего места, где Кама разлилась верст на 20 и бывают разбойники...» [22, с. 106–107; 5, с. 6, 28].

В архиве сохранился датированный весной 1794-го г. подлинник письма с требованием большой суммы денег. Это послание было направлено шайкой разбойников сотнику Решетникову – крестьянину, занимавшему низшую административную должность в Мостовинской волости Сарапульской округи. Вымогатели уверяли, что их 12 человек и требовали приготовить для них немалую сумму – 600 рублей, обещая после прохода льда на Каме явиться к Решетникову в дом и, если денег не будет, жестоко с ним расправиться [17].

И свидетельства Радищева, и выявленные в архиве документы о двух упомянутых выше случаях указывают на разбойников, действовавших по большим рекам. А вот как происходили нападения на больших дорогах.

6 февраля 1799 г. сын сарапульского крестьянина Ивана Замараева Осип, съездив за сеном, возвращался домой. В официальной бумаге о случившемся говорилось: «...Выехал на большую дорогу, где повстречались с ним незнаемые два татарина на одной лошаде, заперженной в обшевни, а сами шли позади своей лошади пешими. И как съехали в сторону, выхватя из опшевной своих цап (по-видимому, цеп, то есть сельскохозяйственное орудие для мотыбы, которое может применяться в драке. – В. К.), ударили сидящего на лошади верхом по голове, отчего он упал... а потом выпрегли лошадь ево и увели...» [48, ф. 1, оп. 2, д. 602, л. 16об.]. «Большая дорога» в других местах архивного дела именуется трактом. Очевидно, по этому тракту добрался до Вятского края один из нападавших. Как потом выяснилось, то был живший в Бирской округе Оренбургской губернии башкир Халия (Галия) Тутагулов. При нем оказался сарапульский татарин Абдулкарим Абдулбахабов. И хотя это вроде бы широкая дорога, но, кажется, к февралю на нее намело уже столько снега, что разминуться со встречными можно, лишь съехав в сторону. При злодеях были «обшевни» – так на Вятке называли обшитые лубом, глухие сани [6, с. 170]. А лошадь имелась только одна. Вот они вторую и раздобыли. Правда, в ближнем селении их сразу и выловили.

17 апреля 1817 г. казанский мещанин Яков Маркелов ехал в телеге из Казани «по торговым делам». Он находился на по Илетском (Илецком) волоке, что на границе Казанской и Вятской губерний. Волоком на Вятке, как и в иных северных местностях, называли участки сплошных зарослей. Н. М. Васнецов, дав в своем словаре диалектизм толкование этого термина («громадная площадь, поросшая большим лесом»), привел и пример употребления: «На этом волоку маленечко пошаливают» [6, с. 35]. Вот и в том случае без «шалостей» не обошлось. У Маркелова было с собой 3500 рублей – он направлялся на бумажную фабрику, чтоб закупить там бумагу. На дороге его нагнали четверо верховых татар. Один из них пару раз ударил Маркелова, и тот упал на землю без чувств. Они сорвали у него с шеи бумажник с деньгами, увели лошадь с телегой (в телеге находились его вещи). Придя в себя, Маркелов залез в лесную чащу, решив, что злодеи могут вернуться и добить его. Он там заблудился и двое суток бродил. Кое-как сумел выбраться к постоялому двору. Туда же сама дошла его лошадь (без телеги). Случай был почти безнадежен, но двух нападавших все же поймали. «...При заковке в железа вышеписанных пойманных двух татар, говорили они точно такими словами: “Когда мы будем на воле, то докажем дружбу исправнику и волостному голове, будут де нас они помнить, станут плясать и пропадут!”» [48, ф. 582, оп. 46, д. 212, л. 1–3об., 9].

Под вечер 25 июня 1817 г. татарин Амир Деветиаров и его работник на паре лошадей, запряженных в телегу, направлялись к г. Вятке. Тракт пролегал по Орловскому уезду. Они

везли товар и наличные деньги, всего на 2300 рублей. «Из лесу первого из ружья застрелили, товар и денги ограбили и последнего с лошадьми отпустили». Уцелевший работник заметил одного из нападавших, и того быстро разыскали. Оказалось, что это был беглый рекрут Афанасей Осипов. При допросе выяснилось, что он учинил нападение вместе с четырьмя другими беглыми рекрутами [48, ф. 582, оп. 46, д. 239, л. 1–1об.].

Очередное архивное дело о нападении на большой дороге открывалось донесением вятскому губернатору П. М. Добринскому. «...На Сибирском тракте... беглые люди делают проезжающим по подорожным частовременные остановки и насильственным нападением причиняют грабежи и даже побои» [48, ф. 582, оп. 46, д. 329, л. 1]. И следом – такой пример. В ночь на 27 августа 1818 г. на границе Вятской и Пермской губерний совершено нападение на отставного штаб-ротмистра Сибирского казачьего войска Елгаштина и находившегося при нем бухарца Азимбая Гадаиниязова. Они следовали с ямщиком по тракту из Перми. Оба седока и ямщик были ограблены и избиты, едва живы остались. Елгаштин объявил, что ущерб вещами и деньгами у него и его спутника составил 8799 рублей [48, ф. 582, оп. 46, д. 329, л. 1об., 5–5об.]. Разбойников не нашли.

Вскоре Вятская губернская почтовая контора направила губернатору рапорт: 9 сентября 1818 г. там же ночью ехавшие с почтой заметили впереди перекрытую валежником дорогу. Из лесу выбежало человек шесть. Но так как с почтой было много людей и у почтальона имелось ружье, то злоумышленники не стали нападать и скрылись. На этой дороге постоянно встречались опасные бродяги [48, ф. 582, оп. 46, д. 329, л. 9–9об., 10].

В 1821 г. Сарапульский уездный суд, а затем и Вятская палата уголовного суда рассматривали дело о банде разбойников. Следователям удалось подробнейшим образом записать, кроме прочего, показания двоих из них – братьев Оглезневых. Все началось с кражи братьями-разбойниками в 1818 г. трехсот рублей, за что их наказали плетью и сослали в Тобольскую губернию для работы на Петровском винокуренном заводе. Весной 1819 г. они бежали оттуда вместе с другими пятью человеками. Возле Екатеринбурга им встретились еще семеро бежавших с поселения. Там же под Екатеринбургом некоторых выловили казаки, а кое-кто скрылся неведомо куда. Приключения братьев и их подельников продолжились в Прикамье и Вятском крае. Оружием завладеть было легко – ружья и порох они могли раздобыть даже в крестьянских избах. Разбойники врываются в избы, издевались и мучили людей (били нагайками, хлестали подожженными вениками), нападали на дорогах. При сопротивлении отбивались оружием. Не остановились бы и перед убийством. Братья Оглезневы совсем не похожи на «благородных разбойников». Грабежи и насилия творились ими над самыми обычными, простыми людьми, которым не повезло, и они оказались у негодяев на пути. Встретив на дороге одного такого бедолагу, отобрали у него единственный имевшийся при нем рубль. Сарапульские судьи присудили им такое наказание (а губернская инстанция в г. Вятке подтвердила и уточнила): дать каждому 50 ударов кнутом, а затем, на их лицах «поставя указные знаки, сослать в каторжную работу» навечно [48, ф. 18, оп. 1, д. 104, л. 80–81об., 84]. Уже не плетью, как за первое их преступление – кражу, а тяжелым палаческим кнутом. Уже не для трудов на заводе, а на каторгу.

Педагог и краевед Н. Г. Первухин во второй половине 1880-х гг. писал о Глазовском уезде Вятской губернии, который он хорошо изучил: «...Разбойники были весьма многочисленны в последнее двадцатипятилетие XVIII-го века и в первое сорокалетие века настоящего в соседних с Глазовским уездом на юго-востоке Сарапульским и Малмыжским уездах, откуда при начинающихся преследованиях начальства нередко переходили они и в леса Глазовского уезда, продолжая, разумеется, и здесь кормиться тем же». Далее, ссылаясь на побывавшего в тех местах в 1771 г. академика И. И. Лепехина, Первухин приводил сведения о разбойничьем разгуле в соседнем Кайском крае [48, ф. 574, оп. 8, д. 72, л. 10–10об.]. Статистик П. И. Наумов в начале XX в. тоже указывал, что в прежние времена на сухопутных дорогах и реках Вятского края имелось множество разбойников, отмечая южные уезды губернии: «Нападения производились целыми вооруженными организованными шайками; нередко бывало, что отдельные селения, запрятавшиеся в глубину лесов, по соседству с проезжей дорогой, были грабителями по профессии. Особенно распространено грабительство было в южных уездах – Сарапульском, Елабужском и Малмыжском и даже в Уржумском, где преобладало инородческое население, по преимуществу татары, башкиры и черемисы». На Московском тракте, что пролегал по центральной части Вятского края, грабежи и даже убийства были в обыкновении, особенно во время Макарьевской (Нижегородской) ярмарки. Часто такое случалось

в непосредственной близости от губернского центра, причем на проложих и проезжих нередко нападали солдаты местного гарнизона, «дурно содержавшиеся». Наумов продолжал: «В начале XIX столетия вооруженные нападения с убийствами и грабежами так участились, что исправники о простых кражах, напр[имер], о кражах лошадей, о воровстве считали излишним даже доносить в губернию. Потребовалась посылка войска» [20, с. 79]. Краевед и литератор, священник Н. Н. Блинов, автор книги о расположенном на Каме уездном городе Сарапуле, в начале XX в. описывал старинную жизнь: «Обширность незаселенных пространств, отсутствие дорог и недостаточность внутренней организованной охраны представляли возможность появлению мелких шаек разбойников». Он приводил примеры разбоев второй половины XVIII и первой четверти XIX в. После, когда организованных шаек стало меньше, всю развилось воровство [4, с. 30–31].

Польский революционер Р. Пиотровский в 1846 г., зимой, совершил побег с сибирской каторги, направляясь к Архангельску. От Соликамска в сторону Белого моря он брел, выдавая себя за паломника, направлявшегося к Соловецкому монастырю. Получается, что он проходил прикамскими и северовятскими лесными дорогами. В своих мемуарах Пиотровский описывал такой случай. За Соликамском он придерживался течения Камы, и, уже миновав Чердынь, где-то вблизи Кая чуть было не набрел на разбойников: «Один раз бежавший в лесу человек, встретив меня, закричал: “Не ходи дальше! Там разбойники! Они гнались за мною и тебя зарежут!” Лицо его было бледно, он был перепуган, и я ясно видел, что он говорит правду. Я спросил, сколько их? “Двое!” Ну, и нас двое, пойдем вместе, сказал я. Но он был страшно испуган, не хотел слушать слов моих и побежал к избушке. Я, подумав немного, сломил в лесу добрую дубину и пошел вперед, но разбойников не встретил. Вечером я ночевал в избушке и рассказал все это хозяину: он отвечал мне, что в лесах много разбойников и что большая часть из них беглые рекруты» [31, с. 150–151].

Кайский край, где Пиотровскому встретился напуганный разбойниками путник, расположен близ Камы. В находившихся неподалеку прикамских землях тоже помнили о множестве разбойников, которые там водились. Между 1730 и 1780 гг. «Соликамская провинция страшно бедствовала от разбоев». Тогда эти земли были наводнены «толпами бродяг, нападавших не только на отдельные местности, подчас на целые села и горные заводы». Среди разбойничавших было много беглых каторжников. Рассказывали, что в 1730 г. «воевода во главе огромной партии инвалидов (военных ветеранов. – В. К.) и обывателей выступил против злодеев и на первом же ночлеге был полонен ими, но, к удивлению, не предан злой смерти, а только высечен и поутру отпущен домой». Тогда прославился «истребитель разбойников» Редькин – приказчик из с. Купроса, что в Иньвенском имении Строгановых [34, с. 557].

Известно, что по прикамским и северовятским местностям из Сибири на запад пробирались беглые каторжники, которых было множество, особенно в теплое время года. Некоторые там по дороге и разбойничали².

Журналист и писатель В. И. Немирович-Данченко в 1875–1876 гг. путешествовал по Уралу. Когда ехали по глухим лесным местам – «Зачусовой сторонке», ямщик говорил ему:

«Тут и ведмедя, и беглых – сколько хочешь. Слободно им ходить тут, куда глаза глядят! Не ловят их наши; беглых жалеют, а ведмедь, что ж, он здесь смиренный: уходит от человека, если не дразнят его...

– А много беглых бывает здесь?

– До пропасти! Тоскуют по родимому-то месту и бегут...» [28, с. 284].

Наумов, Блинов и некоторые другие авторы, упоминавшие о шайках на Вятке XVIII – начала XIX в., опирались на те материалы, которые были извлечены из архивных дел и публиковались местными историками. (К счастью, некоторые из документов, выявленных, просмотренных, изученных историками и краеведами XIX-го в., сохранились до наших дней.) В напечатанном в 1880 г. к столетию со времени открытия Вятского наместничества коллективном труде прослеживалась история края за период 1780–1880 гг., причем именно по архивным документам. Там, среди прочих достопримечательных событий, рассказывалось о памятных разбоях, отразившихся в письменных источниках.

За первые 16 лет существования наместничества, то есть в 1780–1796 гг., вооруженные нападения случались весьма часто. Более всего от них страдали юго-восточные местности:

² О беглых каторжниках в Слободском уезде Вятской губернии (в состав этого обширного уезда входил и г. Кай с окрестностями) см.: [16, с. 32–33].

Сарапульский, Елабужский, Малмыжский, Уржумский уезды. Обычно прикамские разбойники действовали на реках – с весны, от вскрытия рек, и до осени. Но и на суше орудовали тоже – например, терроризировали Большую Сибирскую дорогу в Малмыжском уезде [3, с. 268–269]. Из дошедшего до нашего времени архивного дела известно, что в августе 1787 г. в окрестностях Малмыжа шайка в 17 человек приняла бой с воинской командой, при которой находились и местные жители. Четверо солдат было ранено, крестьянин из местных убит. А у разбойников подстрелили одного-единственного [48, ф. 583, оп. 600, д. 98, л. 51–53об., 67]. В 1811–1814 гг. в Елабужском и Сарапульском уездах действовала банда из татар, которые были осуждены за кражи, а потом бежали и, вернувшись в родные края, стали еще опаснее, занялись грабежами. К ним присоединились беглые рекруты. Среди вооружения этих удальцов имелись луки со стрелами. Усмирять их пришлось при помощи регулярных войск [3, с. 354–355]. Судя по одному обширному архивному делу, и в 1817–1818 гг. в Елабужском уезде продолжали бесчинствовать разбойники – татары и тептяри (с ними, по крайней мере, один беглый рекрут). Вятский губернатор посылал воинскую команду, доносил о шайке в Министерство полиции. Даже императору докладывали! Когда у солдат случилось с ними столкновение, то выяснилось: у разбойников по паре ружей, пистолеты, сабли, кинжалы, копья. Из луков они тоже стреляли. Кого-то удалось выловить, но не всех [48, ф. 582, оп. 46, д. 335]. А в 1822–1825 гг. в Сарапульском уезде действовала банда во главе с некрещеным удмуртом Хамитом (Камитом) Усмановым [3, с. 372–373; 7]. В советские времена его числили национальным героем. Удмуртский писатель И. Г. Гаврилов (1912–1973) создал трагедию «Камит Усманов», и с 1941 г. в Ижевске шел музыкальный спектакль по этой пьесе.

19 января 1792 г. глава Вятского наместничества (губернии) Ф. Ф. Желтухин направил коменданту г. Вятки полковнику Коху предписание, чтобы тот принял меры против разбойников в самом городе и окрестностях. Желтухин указывал, что до него дошли такие сведения: «...Ежечасто проезжающим людям... близ самого города Вятки по дорогам грабители причиняют грабежи и отнимают у них лошадей, но паче всего при тех грабежах бывают и смертные убийства тем едущим людям...». На взятых лошадях злодеи беспрепятственно въезжали в город, где останавливались в известных им домах. И нападения продолжались уже на городских улицах. А вблизи Вятки «как слышно, грабители ездят человека по три и по четыре, закрываясь в санях рогожами, дабы не можно было приметить, что такое число их едет...». Наместник указывал: следует бдительнее досматривать прибывающие в город сани, задерживать всех подозрительных, привлекать в борьбе с разбойниками и грабителями обывателей [10].

Татей да воров тянуло в центральный город края, но там с ними властям и справиться было легче (при желании, конечно). А вообще-то самой опасной была, во-первых, северо-восточная окраина губернии, переходящая в прикамские леса, – малолюдная, но проезжая, с большими дорогами. Во-вторых, юг и юго-восток губернии, где многочисленное и разноплеменное население жило побогаче – там разбойничали на дорогах и по рекам.

Писатель и этнограф С. В. Максимов в середине 1850-х гг. ездил летним путем в Вятскую губернию. Впечатления о поездке он изложил в документальном очерке «Вотяки», который затем стал частью его книги «Лесная глушь» (1871). Ямщик-вятчанин оказался угрюм и неразговорчив. Мчал он лихо, и ночью, и днем. Максимов был единственным седоком. Вот уже сгустилась тьма, ни огонька кругом, глухомань. «Вам, одинокому в этой пустой и темной окрестности, скучно; в голову лезут Бог весть какие мысли, и одна из них навязчивее прочих – это мысль о возможности нападения разбойников. Припоминаются старинные рассказы о поимке негодяев, которые отрезывали чемоданы и пугали проезжих. При этом воспоминании становится немножко неловко, немножко даже страшно. Вы уверены в ямщике, но боитесь права и лева, в темноте которых не знаешь, что творится; может быть, целая шайка грабителей насторожила уши и ждет – не дождется. Праздное воображение утомляется между тем до того, что забывает эти картины, берется за новые, забываешь и их, забываешь все на некоторое время... начинаешь дремать. Но, Бог знает отчего, чуткое ухо слышит где-то звон, воображение с силою ухватывается за оставленную мысль о разбойниках, вы просыпаетесь и с особенным удивлением слышите звон своего колокольчика, и еще новый, который несется вам навстречу». Это был встречный тарантас, которым правил знакомый того ямщика, что вез Максимова. Пока стояли, пока ямщики менялись лошадьми, мимо них, кажется, проехали еще какие-то люди. В кромешной тьме слышались (или чудились?) голоса, укорявшие тех, кто зачем-то остановился ночью в глухом месте: «Хорошо еще – говорят – что вы на большой дороге встретились; на проселке была бы совсем беда». При этом во мраке виднелись какие-то

«движущиеся фигуры на лошадях». Максимов продолжал: «Страх окончательно овладевает вами. Словно в забытьи, вы насчитываете шесть человек, видите ружья... готовы кричать, – но разбойники проезжают мимо, в противную сторону. Тарантас отъезжает, равняется с верховыми, ямщик бранит их названием ночных шатал, велит сторониться. Дальше вы уж ничего не слышите; ваша тройка схватывается с места. Ямщик покрикивает, вы спасены» [26, с. 197–199]. Разбойников они тогда так и не встретили. Так кем же были те «ночные шаталы»?..

Варварство и архаика. Разбойники – как настоящие, так и легендарные – в обилии заполняли Вятский край, равно как и память местных жителей. В XVIII–XIX вв. на Вятке действовало немало шаек. Этому способствовали протяженность путей, обилие лесов, немногочисленность городов, гарнизонов и стражи. Собираясь в артели, разбойники скрывались в дебрях и выходили на большие дороги. Особенно много нападений бывало на северо-западе и на юге Вятской губернии. По северо-западным местностям Вятского края из Сибири на родину, в европейскую часть России, возвращались беглые каторжники. Во второй половине XVIII в. разбойники нередко предпочитали в теплое время года передвигаться по рекам, высаживаясь в прибрежных селениях. Среди крестьян у них имелись приспешники и укрыватели, что затрудняло борьбу с ними. Властям приходилось направлять отряды солдат для отслеживания и поимки шаек. Память о разбоях и разбойниках, о зарытых кладах еще долго сохранялась в народе, превращаясь в фольклорные тексты, во многом сходные с сюжетами о колдунах и «нечистой силе». Так что необходимо отделять исторические сведения о разбоях от преданий и легенд.

Масштабы разбойничества должны учитываться при оценке состояния Российского государства прошлых времен. Постоянные нападения затрудняли внутреннюю коммуникацию, изолировали и разобщали местные сообщества, отвлекали на противодействие им значительные материальные и людские ресурсы. Из набегов разбойничьих артелей при определенных условиях могли разрастаться восстания, которые потрясли самые основы государственности и цивилизации. Разбойничья традиция, артельное устройство жизни «воровских людей», типаж атамана-разбойника – все это, укоренившись, повлияло на становление и расцвет в XX в. уголовной субкультуры (которая, возможно, потому и оказалась всепроникающей, ср.: [49; 36; 19]).

Культуролог и историк И. Г. Яковенко в своих работах обосновал понимание России как своего рода «варварской цивилизации» – так сказать, цивилизации «поневоле», в самой сердцевине которой, в глубинах ее культуры сохранялись мощные пласты архаического варварства. Проявлениями этого Яковенко считал и примитивизацию быта, и привычный, повсеместный вандализм, а еще институционализированные формы, устойчиво существовавшие в течение долгого времени – вроде нищенства, казачества, «блатного мира» [52; см. также: 51, гл. 2]. Вполне очевидно, что массовое и длительное русское разбойничество является одной из основ так понимаемого варварства. К тому же разбойничество сохраняло и передавало в будущие времена традицию архаики – догосударственного и внегосударственного жизнеустройства.

Список литературы

1. А. С. [Спицын А.]. Предания о разбойниках и кладах в Зюздинском уезде // Вятские губернские ведомости. 1890. № 3. С. 4.
2. Барановы, Кудрины... Щепины... Юферевы...: историко-родословные материалы по Круглыжской (Верхневетлужской) округе / Сост. В. А. Любимов. Киров : [Б. и.], 2016. Кн. 3. 510 с.
3. Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780–1880 : сб. мат. к истории Вятского края. Вятка : Тип. Губ. правления и литография Котлевич, 1880. Т. 1. С. 209–387.
4. Блинов Н. Н. Сарапул и среднее Прикамье. Былое и современное : очерки с рисунками. 2-е изд., доп. [Сарапул] : Типолитография И. М. Колчина, 1908. 104 с.
5. Богословский П. С. Сибирские путевые заметки Радищева, их историко-культурное и литературное значение (опыт изучения) : с приложением материалов о Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Пермь : Тип. Райпотребсоюза, 1924. Вып. 1. С. 1–28.
6. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка : Губ. тип., 1907. 357 с.
7. Вахрушев А. Н. К вопросу о Камите Усманове // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск : НИИ ист., экон., лит. и яз. при Совете Министров УАССР, 1974. Вып. 2 : Крестьянство Удмуртии / Отв. ред. М. А. Садаков. С. 248–253.

8. Вятский фольклор: предания и легенды / Ред. А. Вылегжанин. Котельнич : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 46 с.
9. Глухие уголки Вятской губернии: село Шалегово, Орловского уезда [сообщ. Л. Г. Гребеневым] // Памятная книжка Вятской губернии на 1898 г. Вятка : Губ. тип., 1897. Год 19-й. Отд. 2. С. 113–136.
10. Грабежи около Вятки в конце XVIII столетия // Вятские губернские ведомости. 1880. № 44. С. 3.
11. Гришкина М. В., Берестова Е. М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XVIII века. Ижевск : УдМНИИЯЛ УрО РАН, 2006. 86 с.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 4. 683 с.
13. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1958. 418 с.
14. Зайцев О. А. Котельнич и его тайны. Котельнич : [Б. и.], 2014. 172 с.
15. Зеленин Д. Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев : Тип. Эд. Бергмана, 1904. 180 с.
16. Коршунков В. А. «Вор-скоморох» на Вятке: «скоморошье насильство» и пиры-братчины // Вятская земля в прошлом и настоящем : сб. мат. регион. науч.-практ. конф., посвящ. Году российской истории / Ред. кол.: В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров, 18 окт. 2012 г. Киров : ВятГГУ, 2012. С. 29–35.
17. Коршунков В. А. «Есть у нас порох и дробь... к тебе зайтить в дом...»: опыт борьбы с грабителями и рэкетирами в конце XVIII века на Вятке и Каме // Родина. 2018. № 12. С. 130–133.
18. Коршунков В. А. Камские абордажи атамана Гурьки // Родина. 2019. № 8. С. 112–115.
19. Коршунков В. А. Советская эпоха в зеркале жаргона // Русская история: проблемы менталитета: тез. докл. науч. конф. Москва, 4–6 окт. 1994 г. / Отв. ред. А. А. Горский. М. : Ин-т российской истории РАН, 1994. С. 138–140.
20. Краткий обзор средств сообщения в Вятской губернии / Сост. П. Наумов. Вятка : Типо-литография М. М. Шкляевой, 1908. 150 с.
21. Кудрявцев В. Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края (очерк) // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка : Губ. тип., 1896. Год 18-й. Отд. 4. С. 161–239.
22. Луппов П. Н. А. Н. Радищев о Вятском крае // Тр. Вятского науч.-исслед. ин-та краеведения. Вятка, 1928. Т. 4. С. 102–109.
23. Мавродин В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России XVIII в. // Рождение новой России / В. В. Мавродин. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. С. 210–393.
24. Мавродин В. В. Под знаменем Крестьянской войны. М. : Мысль, 1974. 151 с.
25. Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур: дорожные заметки и воспоминания. Изд. 2-е. СПб. : Изд. книгопродавца С. В. Звонарева, 1871. 594 с.
26. Максимов С. В. Собр. соч.: в 7 т. М. : Книгобек, 2010. Т. 6 : Лесная глушь : очерки. 608 с.
27. Мордовцев Д. Разбойники России. М. : Евроросс, 1991. 247 с.
28. Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб. : Изд. П. П. Сойкина, [1904]. [Ч. 2] : Урал. 448 с.
29. Областной словарь вятских говоров. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2012. Вып. 8: П [/ Под ред. З. В. Сметаниной]. 239 с.
30. Осокин М. [И.], священ. Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии): ст. 1–3 // Современник. 1856. Т. 59. Отд. : Смесь. С. 57–83; Т. 60. Отд. : Смесь. С. 1–40, 179–214.
31. [Пиотровский Р.]. Записки Руфина Пиотровского. Россия и Сибирь: 1843–1846. Norrkoeping : Eric Björnström, 1863. 186 с.
32. Пислегин Н. В. Разбой как форма социального протеста крестьянства Удмуртии // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: мат. III Всерос. (XI Межрегион.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 окт. 2010 г.) / Отв. ред. Г. А. Никитина. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2010. С. 337–341.
33. Порфирьев И. Я. Воспоминания // Герценка: вятские записки / Сост. Н. П. Гурьянова; науч. ред. В. А. Коршунков. Киров, 2006. Вып. 10. С. 148–198.
34. Прядильщиков Ф. А. Истребитель разбойников Редькин // Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 7. С. 557–559.
35. Рудометов И. И. Каргопольский край (сборник этнографических очерков). Каргополь : Тип. отд. нар. образования, 1919. 59 с.
36. Самойлов Лев [Клейн Л. С.]. Перевернутый мир. СПб. : Фарн, 1993. 223 с.
37. Серкин С. П. Путь сквозь столетия: История возникновения и развития вахрушевского кожевенно-обувного производства. Судьбы заводладельцев Вахрушевых и их потомков. Киров : Вятское кн. изд-во, 2013. 224 с.
38. Смирнов Г. С. Словарь бабы Нюры: составлен на основе говора жителей деревни Мокруша Советского района Кировской области. Киров : Дом печати – Вятка, 2011. 384 с.
39. Сорокин П. Чудь Кайского края. Вятка : Губ. тип., 1895. 60 с.
40. Спицын А. Земля и люди на Вятке в XVII столетии // Календарь Вятской губернии на 1887 г. Вятка : Губ. тип., 1886. С. 151–202.

41. Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка : Изд. Губ. стат. комитета, 1881. Год 3-й. С. 25–91.
42. Сунские легенды и предания / Сост. А. В. Вычегжанина; отв. ред. Т. С. Байбородова. Суна [Кировской области] : МУК Сунская МБС Центр. б-ка им. Ф. Ф. Павленкова, 2010. 59 с.
43. Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. 3. Отд. 3. С. 82–84.
44. Устная историческая проза Вятского края: материалы и исследования / Сост., авт. вступ. статей, коммент. и указат. Ю. В. Приказчикова. Ижевск : УдМНИИЯЛ УрО РАН, 2009. 392 с.
45. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд., стер. СПб. : Терра – Азбука, 1996. Т. 4. 861 с.
46. Фокин [А. Д.], Решетников [М. М.]. Путеводитель по реке Вятке. Вятка : Труженик, 1925. 88 с.
47. Худяков М. Г. Предания о разбойниках в г. Малмыже // Тр. Вятской ученой архивной комиссии. 1916. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 61–64.
48. Центральный государственный архив Кировской области.
49. Чалидзе В. Уголовная Россия. М. : ТЕРРА, 1990. 395 с.
50. Энциклопедия земли Вятской. Киров : Обл. писат. организация, 1995. Т. 1. Кн. 2 / Сост. С. П. Кокурина; ред. В. А. Ситников. 637 с.
51. Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Рос. политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 672 с.
52. Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 66–78; 1995. № 6. С. 78–85; 1996. № 3. С. 104–111; 1996. № 4. С. 87–97.

On the Roads and Rivers: Robbers and Memory of Them in the Vyatka Region

V. A. Korshunkov

PhD in History, associate professor, Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. This paper deals with the forms of traditional Russian robbery in the Vyatka region and in Russia as a whole. Main features of this little-studied phenomenon are explored on the basis of historical sources and folklore records, including data from the Central State Archive of the Kirov Region.

Robbery was an integral part of everyday life in the 18th and in the first part of the 19th century. Permanent attacks on passers-by in the Vyatka territory were facilitated by length of roads, abundance of forests, and fewness of towns, garrisons, and guards. There were too many robbers in the northwest and the south of the province. They acted on the roads and rivers. Escaped convicts were returning from Siberia to their homeland – the European part of Russia – through the Vyatka territory. Robbers had helpers and henchmen among the peasants, and this made it difficult to fight them. The authorities had to send detachments of soldiers to track down and capture the gangs. The memory of robberies and robbers, as well as of buried treasures remained among the people for a long time and was turning into folklore texts similar to legends about sorcerers and "evil spirits".

The scale of the robbery should be taken into account when viewing the Russian state and society. Constant attacks were hampering internal traffic, isolating and dividing local communities, diverting significant material and human resources to counter the robberies. So called people revolts could grow from the raids of large robber bands. The robbery that persisted until so late period is a manifestation of archaism and barbarism that are inherent in Russia. The robber tradition had a considerable influence on the formation and flourishing of the Russian criminal subculture already in the 20th century.

Keywords: Vyatka region, Russia, robbers, 18th and 19th centuries, historical memory, folklore.

References

1. A. S. [Spicyn A.]. *Predaniya o razbojnikah i kladah v Zyuzdinskom uezde* [Legends about robbers and treasures in the Zyuzdinsky uyezd] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka guberniya news. 1890. No. 3. P. 4.
2. Baranovy, Kudriny... Shchepiny... Yuferevy...: *istoriko-rodoslovnnye materialy po Kruglyzhskoj (Verhnevetluzhskoj) okruge* – Baranovs, Kudrins... Shchepins... Yuferevs...: historical and genealogical materials about the Kruglyzhsky (Verkhnevetluzhsky) district / Comp. V. A. Lyubimov. Kirov. [without publisher]. 2016. Book 3. 510 p.
3. Bekhterev N., Andrievskij A., Spasskij N. *Kratkaya letopis' sobytij i zakonopolozhenij, kasayushchihся Vyatskoj gubernii, za pervoe stoletie s otkrytiya namestnichestva* [Brief chronicle of events and legal provisions concerning the Vyatka province for the first century since the opening of the viceroyalty] // *Stoletie Vyatskoj gubernii. 1780–1880 : sb. mat. k istorii Vyatskogo kraja* – Centenary of the Vyatka province. 1780–1880 : coll. of mat. to the history of the Vyatka region. Vyatka. Tip. of Guberniya government and lithography Kotlevich. 1880. Vol. 1. Pp. 209–387.

4. Blinov N. N. *Sarapul i srednee Prikam'e. Byloe i sovremennoe : ocherki s risunkami. 2-e izd., dop.* [Sarapul and Middle Prikamye. Past and Present : essays with drawings. 2nd ed., add.] [Sarapul]: I. M. Kolchin's typolithography. 1908. 104 p.

5. Bogoslovskij P. S. *Sibirskie putevye zametki Radishcheva, ih istoriko-kul'turnoe i literaturnoe znachenie (opyt izucheniya): s prilozheniem materialov o Permskom krae* [Siberian travel notes of Radishchev, their historical, cultural and literary significance (study experience): with the application of materials about the Perm region] // *Permskij kraevedcheskij sbornik – Perm Regional History Collection*. Perm. Typ. of Raipotrebsoyuz. 1924. Is. 1. Pp. 1–28.

6. Vasnecov N. M. *Materialy dlya ob'yasnitel'nogo oblastnogo slovarya vyatskogo govora* [Materials for the explanatory regional dictionary of the Vyatka dialect]. Vyatka. Guberniya tip. 1907. 357 p.

7. Vahrushev A. N. *K voprosu o Kamite Usmanove* [On the question of Kamit Usmanov] // *Voprosy istorii Udmurtii – Questions of Udmurtiya history*. Izhevsk. Institute of hist., econ., lit. and lang. under the Council of Ministers of the UASSR. 1974. Is. 2: The Peasantry of Udmurtia / ed. by M. A. Sadakov. Pp. 248–253.

8. *Vyatskij fol'klor: predaniya i legendy – Vyatka folklore: tales and legends* / ed. by A. Vylegzhanin. Kotelnich. Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov. 1998. 46 p.

9. *Gluhie ugolki Vyatskoj gubernii: selo Shalegovo, Orlovskogo uezda [soobshch. L. G. Grebenevym]* – Godforsaken corners of the Vyatka province: the village of Shalegovo, Orlovsky uyezd [reported by L. G. Grebenev] // *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1898 g.* – Notebook of the Vyatka Province for 1898. Vyatka. Guberniya tip. 1897. Year 19. Sec. 2. Pp. 113–136.

10. *Grabezhi okolo Vyatki v konce XVIII stoletiya – Robberies near Vyatka at the end of the 18th century* // *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka guberniya news*. 1880. No. 44. P. 3.

11. Grishkina M. V., Berestova E. M. *Kolonizacionnye processy i rasselenie etnicheskikh grupp v Vyatsko-Kamskom mezhdurech'e v XVI – pervoj polovine XVIII veka* [Colonization processes and settlement of ethnic groups in the Vyatka-Kama interfluvium in the 16th – first half of the 18th century]. Izhevsk. Udm. Institute of the Ural branch of RAS. 2006. 86 p.

12. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. M. State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1956. Vol. 4. 683 p.

13. *Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vekov – Documents on the history of Udmurtia of the 15th–17th centuries* / comp. P. N. Luppov. Izhevsk. Udmurt Publishing House. 1958. 418 p.

14. Zajcev O. A. *Kotel'nich i ego tajny* [Kotelnich and its secrets]. Kotelnich. [without publisher]. 2014. 172 p.

15. Zelenin D. *Kama i Vyatka: putevoditel' i etnograficheskoe opisanie Prikamskogo kraja* [Kama and Vyatka: guidebook and ethnographic description of the Kama Region]. Yuriev. Typ. Ed. Bergman. 1904. 180 p.

16. Korshunkov V. A. "Vor-skomorokh" na Vyatke: "skomorshye nasil'stvo" i pyry-bratchiny ["Thief-skomorokh" in the Vyatka region: "buffons' violence" and the feasts (bratchinas)] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem : sb. mat. region. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Godu rossijskoj istorii – Vyatka land in past and present : coll. of mat. of region. scientific-practical conf., dedicated to the year of Russian history* / ed. board: V. T. Yungblud [and others]. Kirov, 18 Oct. 2012. Kirov. VyatSHU. 2012. Pp. 29–35.

17. Korshunkov V. A. "Est' u nas poroh i drob'... k tebe zajtit' v dom...": opyt bor'by s grabitelyami i reketirami v konce XVIII veka na Vyatke i Kame ["We have gunpowder and shot... to visit your house...": struggle against robbers and racketeers in the Vyatka and Kama regions at the end of the 18th Century] // *Rodina – Motherland*. 2018. No. 12. Pp. 130–133.

18. Korshunkov V. A. *Kamskie abordazhi atamana Gur'ki* [Robber Gurka's boarding in the Kama river basin] // *Rodina – Motherland*. 2019. No. 8. Pp. 112–115.

19. Korshunkov V. A. *Sovetskaya epoha v zerkale zhargona* [The Soviet era in the mirror of jargon] // *Russkaya istoriya: problemy mentaliteta : tez. dokl. nauch. konf. Moskva, 4–6 okt. 1994 g.* – Russian History: problems of mentality : theses of reports of the scient. conf. Moscow, October 4–6, 1994 / ed. by A. A. Gorsky. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 1994. Pp. 138–140.

20. *Kratkij obzor sredstv soobshcheniya v Vyatskoj gubernii – A brief overview of the means of communication in the Vyatka province* / comp. P. Naumov. Vyatka. Typo-lithography of M. M. Shklyueva. 1908. 150 p.

21. Kudryavcev V. F. *Starina, pamyatniki, predaniya i legendy Prikamskogo kraja (ocherk)* [Antiquity, monuments, legends of the Kama Region (essay)] // *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1897 g.* – Calendar and notebook of the Vyatka province for 1897. Vyatka: Guberniya tip. 1896. Year 18. Sec. 4. Pp. 161–239.

22. Luppov P. N. A. N. *Radishchev o Vyatskom krae* [A. N. Radishchev about the Vyatka region] // *Tr. Vyatskogo nauch.-issled. in-ta kraevedeniya – Works of Vyatka scientific research institute of local history*. Vyatka. 1928. Vol. 4. Pp. 102–109.

23. Mavrodin V. V. *Klassovaya bor'ba i obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Rossii XVIII v.* [Class struggle and socio-political thought in 18th century Russia] // *Rozhdenie novoj Rossii – The birth of a new Russia* / V. V. Mavrodin. L. Leningrad University Press. 1988. Pp. 210–393.

24. Mavrodin V. V. *Pod znamenem Krest'yanskoj vojny* [Under the banner of the Peasant War]. M. Mysl. 1974. 151 p.

25. Maksimov S. *Na Vostoke. Poezdka na Amur: dorozhnye zametki i vospominaniya. Izd. 2-e* [In the East. Trip to the Amur: road notes and memoirs. 2nd ed.] SPb. Ed. of book seller S. V. Zvonarev. 1871. 594 p.

26. Maksimov S. V. *Sobr. soch. : v 7 t.* [Coll. works: in 7 vols.] M. Knigovek. 2010. Vol. 6: Lesnaya glush : essays. 608 p.
27. Mordovcev D. *Razbojniki Rossii* [Robbers of Russia]. M. Euroross. 1991. 247 p.
28. Nemirovich-Danchenko V. I. *Kama i Ural (oчерki i vpechatleniya)* [Kama and Ural (essays and impressions)]. SPb. P. P. Soikin. [1904]. [Part 2]: Ural. 448 p.
29. *Oblastnoj slovar' vyatskih govorov* – Regional dictionary of the Vyatka dialects. Kirov. Raduga-PRESS. 2012. Is. 8: П [ed. by Z. V. Smetanina]. 239 p.
30. Osokin M. [I.], priest. *Narodnyj byt v severo-vostochnoj Rossii. Zapiski o Malmyzhskom uezde (v Vyatskoj gubernii): st. 1–3* [Folk life in north-eastern Russia. Notes on the Malmyzhsky uyezd (in the Vyatka province): articles 1–3] // *Sovremennik* – Contemporary. 1856. Vol. 59. Dep.: Varia. Pp. 57–83; Vol. 60. Dep.: Varia. Pp. 1–40, 179–214.
31. [Piotrovskij R.]. *Zapiski Rufina Piotrovskogo. Rossiya i Sibir': 1843–1846* [Notes of Rufin Piotrovsky. Russia and Siberia: 1843–1846]. Norrkoeping : Eric Biornström. 1863. 186 p.
32. Pislegin N. V. *Razboj kak forma social'nogo protesta krest'yanstva Udmurtii* [Robberies as a form of social protest of the Udmurtia peasantry] // *Krest'yanstvo v rossijskikh transformacijah: istoricheskij opyt i sovremennost' : mat. III Vseros. (XI Mezhhregion.) konf. istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya (Izhevsk, 17–19 okt. 2010 g.)* – Peasantry in Russian transformations: historical experience and modernity : mat. of III All-Russia (XI Interregion.) conf. of historians-agrarians of the Middle Volga region (Izhevsk, October 17–19, 2010) / ed. by G. A. Nikitin. Izhevsk. Udmurt University. 2010. Pp. 337–341.
33. Porfir'ev I. Ya. *Vospominaniya* [Memoirs] // *Gercenka: vyatskie zapiski* – Hertsenka: Vyatka notes / comp. N. P. Guryanova; scient. ed. V. A. Korshunkov. Kirov. 2006. Is. 10. Pp. 148–198.
34. Pryadil'shchikov F. A. *Istrebitel' razbojnikov Red'kin* [Redkin, the fighter of robbers] // *Istoricheskij vestnik* – Historical herald. 1880. Vol. 2. No. 7. Pp. 557–559.
35. Rudometov I. I. *Kargopol'skij kraj (sbornik etnograficheskikh oчерkov)* [Kargopol land (collection of ethnographic essays)]. Kargopol'. Typ. of dep. of people's education. 1919. 59 p.
36. Samojlov Lev [Klejn L. S.]. *Perevernutyj mir* [Inverted world]. SPb. Farn. 1993. 223 p.
37. Serkin S. P. *Put' skvoz' stoletiya: Istoriya voznikoveniya i razvitiya vahrushhevskogo kozhevenno-obuvnogo proizvodstva. Sud'by zavodovladel'cev Vahrushevych i ih potomkov* [The way through the centuries: The history of the origin and development of Vahrushevsky leather and shoe production. The fate of the Vahrushevsk' factory owners and their descendants]. Kirov. Vyatka book publ. 2013. 224 p.
38. Smirnov G. S. *Slovar' baby Nyury: sostavljen na osnove govora zhitelej derevni Mokrusha Sovetskogo rajona Kirovskoj oblasti* [Dictionary of Granny Nyura: compiled on the basis of the dialect of the inhabitants of the village of Mokrusha in the Soviet district of the Kirov region]. Kirov. Printing House –Vyatka. 2011. 384 p.
39. Sorokin P. *Chud' Kajskogo kraya* [Chud of the Kaisky region]. Vyatka. Guberniya typ. 1895. 60 p.
40. Spicyn A. *Zemlya i lyudi na Vyatke v XVII stoletii* [Land and people in the Vyatka region in the 17th century] // *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1887 g.* – Calendar of the Vyatka province for 1887. Vyatka. Guberniya tip. 1886. Pp. 151–202.
41. Spicyn A. A. *Katalog drevnostej Vyatskogo kraya* [Catalog of antiquities of the Vyatka region] // *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1882 g.* – Calendar of the Vyatka Province for 1882 Vyatka: Publ. of Guberniya stat. committee. 1881. Year 3. Pp. 25–91.
42. *Sunskie legendy i predaniya* – Suna tales and legends / comp. A. V. Vychezhzhanin; ed. by T. S. Bayborodov. Suna [Kirov region]. Suna inter-settlement library system, Center library of F. F. Pavlenkov. 2010. 59 p.
43. *Trudy Vyatskoj uchenoj arhivnoj komissii* – Proceedings of the Vyatka Scientific Archival Commission. 1905. Is. 3. Sec. 3. Pp. 82–84.
44. *Ustnaya istoricheskaya proza Vyatskogo kraya: materialy i issledovaniya* – Oral historical prose of the Vyatka region: materials and research / ed. by Yu. V. Prikazchikova. Izhevsk. Udm. Institute of the Ural department of RAS. 2009. 392 p.
45. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. 3-e izd., ster.* [Etymological dictionary of the Russian language. 3rd ed., ster.] SPb. Terra-Azbuka. 1996. Vol. 4. 861 p.
46. Fokin [A. D.], Reshetnikov [M. M.]. *Putevoditel' po reke Vyatke* [Guide to the Vyatka River]. Vyatka. Truzhenik (Worker). 1925. 88 p.
47. Hudyakov M. G. *Predaniya o razbojnikah v g. Malmyzhe* [Legends about robbers in the city of Malmyzh] // *Tr. Vyatskoj uchenoj arhivnoj komissii* – Works of the Vyatka Scientific Archival Commission. 1916. Is. 1–2. Sec. 3. Pp. 61–64.
48. Central State Archive of the Kirov region.
49. Chalidze V. *Ugolovnaya Rossiya* [Criminal Russia]. M. TERRA. 1990. 395 p.
50. *Enciklopediya zemli Vyatskoj* – Encyclopedia of the Vyatka land. Kirov. Regional writers' organization. 1995. Vol. 1. Book 2 / comp. S. P. Kokurina; ed. V. A. Sitnikov. 637 p.
51. Yakovenko I. G. *Poznanie Rossii: civilizacionnyj analiz. 2-e izd., pererab. i dop.* [Cognition of Russia: civilizational analysis. 2nd ed., reprint.] M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. 672 p.
52. Yakovenko I. G. *Civilizaciya i varvarstvo v istorii Rossii* [Civilization and barbarism in the history of Russia] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and Modernity. 1995. No. 4. Pp. 66–78; 1995. No. 6. Pp. 78–85; 1996. No. 3. Pp. 104–111; 1996. No. 4. Pp. 87–97.